

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Н. А. КИСЛЯКОВ

САЙРОБСКИЕ ТАДЖИКИ

В этнографической литературе о таджиках южного Узбекистана известно очень немного, лишь за последнее время в связи с этнографическими работами, проводящимися в районе Сурхан-Дарьинской и Кашка-Дарьинской областей, стали появляться материалы об этих группах таджикского населения¹.

В предлагаемой небольшой статье мы приводим некоторые собранные в конце 1950-х гг. сведения по этнографии Сайроба, одного из крупных кишлаков, населенных таджиками. Кишлак этот расположен в верхней части долины Ширабад-Дарьи, в горах Байсун-тау, составляющих южные отроги Гисарского хребта. Несколько ниже кишлака Сайроб Ширабад-Дарья выходит из горных теснин на равнину и течет на юг в сторону Аму-Дарьи, но последней она не достигает, так как ее воды разбираются на орошение. Сайроб входит в полосу таджикских поселений, тянущуюся от г. Гузара на западе до г. Байсуна на востоке. Однако эта полоса не сплошная, таджикские селения как бы вкраплены среди узбекских, главным образом среди селений кунградов; расположены они в горах, по притокам Гузар-Дарьи, Ширабад-Дарьи и Сурхан-Дарьи². На Ширабад-Дарье, помимо Сайроба (около 175 хозяйств), таджики живут также в кишлаках Мачай, Дербент и Панджоб.

Достопримечательностью Сайроба является большой источник, около него высятся три огромные чинары³, по-видимому, очень старые. Здесь же устроен водоем — «хавз», питаемый водами источника; живущие там рыбы, вероятно, были предметом почитания, во всяком случае их и теперь никто не трогает. Существует поверье, что если

¹ См. Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXVII, 1957; е е же, Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXXIII, 1960; Н. А. Кисляков, Некоторые материалы по этнографии таджиков верховий Кашка-Дарьи, Сборник памяти М. С. Андреева, Труды АН ТаджССР, т. СХХ, Сталинабад, 1960; см. также М. Эшн и ё з о в, Хардури, «Уч. записки Тадж. гос. ун-та», т. XIV, Сталинабад, 1956.

² О гузарских таджиках см. М. Эшн и ё з о в, Указ. раб.

³ В. И. Массальский отмечает Сайроб как кишлак, «известный своими колоссальными платанами, в одном из коих устроена школа». В. И. Массальский, Туркестанский край, «Россия», т. XIX, СПб., 1913, стр. 682.

человек съест одну из этих рыб, то он ослепнет. Вниз от источника тянется большой сай, доходящий до Ширабад-Дарьи, по которому расположены дома, сады и поливные земли; отдельные части кишлака находятся на некотором расстоянии друг от друга, часть их расположена не по саю, а в небольших котловинах, образуя как бы отдельные кишлаки-кварталы (см. ниже). Поливные земли имеются и по берегам Ширабад-Дарьи, все же неполивные пахотные участки находятся на склонах окружающих гор и холмов.

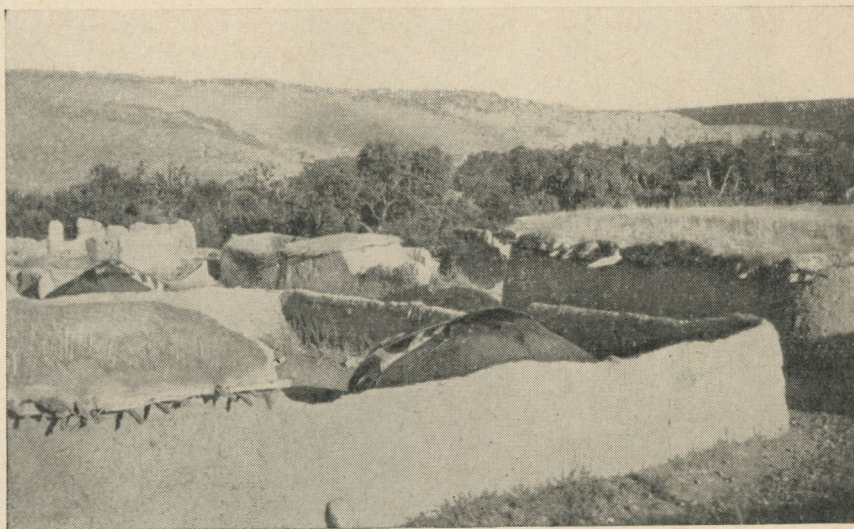

Рис. 1. Общий вид кишлака Сайроб (внутри усадьбы стоит юрта)

В настоящее время на территории Сайроба и соседних кишлаков (Дербент, Мачай, Шуроб, Ходжабулак, Челенгзор, Панджоб, Бандихон) расположен масло-молочный совхоз «Сайроб», имеющий несколько отделений (от одного до трех кишлаков в каждом), центр его находится в Сайробе. Большинство населения Сайроба и других кишлаков работает в совхозе. Это большое, многоотраслевое хозяйство. Здесь обрабатывается около 5,5 тыс. га земли; так как большая часть земли неполивная, на ней сеют преимущественно ячмень, остальная площадь занята под кукурузой, картофелем, клевером, кормовой свеклой, огородными культурами и садами. В совхозе разводят гусениц тутового шелкопряда, собирая ежегодно несколько тысяч килограммов коконов. Однако основу производственной деятельности совхоза составляет скот — значительное поголовье крупного рогатого скота, десятки тысяч овец и коз, много свиней, лошадей; в совхозе имеется также птицеферма. На работе в совхозе занято свыше 1000 рабочих и служащих.

Земледелие в Сайробе до недавнего времени отличалось примитивной техникой, однако, как и повсеместно у таджиков, носило следы старой культуры и сложившихся традиций. Если в настоящее время в совхозе значительно увеличился клин кормовых растений, то в прежние времена, при единоличном полунатуральном хозяйстве, крестьяне стремились высевать те культуры, которые нужны были для удовлетворения собственных потребностей (пшеница, бобовые, огородные и бахчевые); на богаре сеяли пшеницу, ячмень, бобовые. Унаваживали лишь поливные земли — «обй»: на богарных — «лалмй» практиковал-

ся в основном лишь весенний сев, на поливных — озимый. Поливные земли сначала вспахивали, потом боронили, сеяли, затем снова пахали и боронили; на неполивных землях поле лишь один раз проходили сохой или бороной.

В употреблении была деревянная среднеазиатская соха — «амоч» (омоч)⁴. Тягловой силой служила пара волов. Деревянное ярмо — «буйинтурук» представляло собой бревно, закреплявшееся на шее животного при помощи двух пар палочек — «саманчуб», вставленных в отверстия в бревне; концы палочек связывались веревками — «саманбанд». Ярмо соединялось с дышлом сохи при помощи древесного жгута — «отанг»; одна петля этого жгута укреплялась на ярме, а другие две накидывались на палочку — «пешкль», протетую в одно из нескольких отверстий в дышле.

При жатве пшеницу и ячмень связывали «дусара» (два снопа головками в разные стороны), а затем в большие снопы — «гавза», 10—15 таких снопов складывали в «ғанак». Урожай свозили на гумно на саях-волокушах — «чигина»⁵. Молотили при помощи плетеного из сучьев щита — «чапар», затем по измельченным снопам — «пайхом» пускали быков, которые ногами вымолачивали зерно; этот процесс, как и у других таджиков, назывался «галагов». Веяли зерно сначала деревянными вилами — «шохак», потом деревянной лопатой — «қурак». Зерно просеивали через крупноячеестое сито — «чител», затем через мелкоячеестое — «галбер».

Представления и поверья, связанные с земледелием, мало отличались от существовавших среди других таджиков и узбеков. Бытовало представление о Деде-Земледельце — «Бобо-деҳқон»⁶, который персонафицировался в ком-либо из авторитетных, пожилых крестьян. Он первым в селении начинал пахоту, проводил первую борозду; для этого случая пекли ритуальные хлебцы, рога быков смазывали маслом.

Рис. 2. Житель к. Сайроб в национальном костюме

⁴ Названия частей сохи: остов — «кунда», железный лемех — «оҳан», дышло — «тир», клин, укрепляющий дышло в остове — «фона», рукоятка — «дастгирак», планка, соединяющая среднюю часть остова с нижней — «мардгирак». Старая сельскохозяйственная терминология дается здесь в качестве материала для подготовляемого Институтом этнографии АН СССР Среднеазиатского этнографического атласа.

⁵ Название частей чигина: полозья — «поя», поперечные перекладки — «саркаши бсло» и «саркаши поён», стойки — «хода», палка впереди для прикрепления к оглобле — «палвончуби», жгут, соединяющий чигину с оглоблей, — «хачак».

⁶ Н. А. Кисляков, Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна р. Хингоу, «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 114—115; М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период, Труды АН ТаджССР, т. XL, III, 1957, стр. 209—211.

Существовал обычай «кюян қочти» (узб.— «заяц убежал»), связанный с представлением о душе хлеба и приуроченный к окончанию жатвы⁷. Особая церемония выполнялась с целью вызывания дождя; молодежь ходила по домам с трещоткой, сделанной из тыквы-горлянки со вставленной в нее палкой, с особой песней, молодых обливали водой и делали им подарки⁸. По окончании обмолота из кучи зерна — «чош» брали одно решето, обводили им вокруг кучи и высыпали зерно поверх нее; взяв второе решето, давали «божью долю» — «ҳақулло» первому прохожему⁹.

Среди стариков сохранялся старинный счет времени, применительный к зимнему сезону; первые 40 дней зимы назывались большая «чилла», затем 20 дней — малая «чилла», далее следовало 17 дней «хут», 7 дней «агуз», 3 дня «оби раҳмат» и 3 дня «нақши наврӯз»¹⁰.

Отметим, что почти все термины, связанные с земледелием, — таджикского (иранского) происхождения за исключением узбекских названий сохи и ярма, а также узбекской терминологии, употребляемой при выполнении обычая последней жатвы и некоторых других¹¹.

В наше время старые орудия и приемы земледелия почти исчезли, их заменили машины, сельское хозяйство ведется на основе передовой агротехники. В совхозе Сайроб имеется много тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин, а также грузовых автомобилей.

Как уже указывалось, в Сайробе большое значение имеет скотоводство, главным образом разведение мелкого скота. В прошлом у сайробских таджиков оседлая культура сочеталась с элементами кочевого быта. Почти в каждом дворе и сейчас еще можно видеть рядом с домом юрту кунградского типа — «хонаи сиёҳ», иногда же и более примитивное жилище — шалаш из гнутых прутьев — «капа»¹². В домах имеются ковровые сундуки — «мапрамач»¹³, характерные в прошлом для кочевого населения. Раньше было принято ежегодно выходить на летние пастбища — айлоқ» (яйлау), туда везли и юрту (хонаи сиёҳ), которую разбирали и нагужали на трех ослов.

⁷ Н. А. Кисляков, Старинные приемы земледельческой техники., стр. 119—120; М. Р. Рахимов, Указ. раб., стр. 213—215.

⁸ А. К. Писарчик, Кулябская этнографическая экспедиция 1948 года, «Изв. Тадж. филиала АН СССР», № 15, 1949, стр. 88; К. А. Богомолова, Следы древнего культа воды у таджиков, «Изв. отд. обществ. наук АН Тадж. ССР», вып. 2, 1952, стр. 116—120; М. Р. Рахимов, Указ. раб., стр. 209—211.

⁹ М. Р. Рахимов, Указ. раб., стр. 216.

¹⁰ Чилла — сорокодневье; хут — название последнего месяца солнечного года (по арабским названиям знаков зодиака, принятого на Востоке); агуз — мифологический образ старухи, олицетворяющей холод (см. М. С. Андреев, По этнографии таджиков, сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 174—176; его же, Из материалов по мифологии таджиков, сб. «По Таджикистану», Ташкент, 1927, стр. 80—82); оби раҳмат — букв. «благая вода» (первые весенние дожди); нақши наврӯз — букв. «след (признак) Нового года».

¹¹ Бросается в глаза, что сельскохозяйственная терминология в Сайробе довольно сложная по происхождению; термины амоч, буйинтурук, характерны для северных районов Таджикистана и Узбекистана, термины отан (г), пешклй, чапар, галагов, чигина и названия ее частей характерны для южного Таджикистана; такие термины, как дастгирак, мардгирак, саманчӯб, гавза, чигел встречены нами только в Сайробе.

¹² См. Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, № 1, стр. 15; ее же, Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана, «Изв. отд. обществ. наук АН Тадж. ССР», вып. 10—11, 1956, стр. 13—23.

¹³ См. обстоятельную статью Б. Х. Кармышевой, Локайские «мапрамачи» и «ильгичи», «Сообщения республиканского историко-краеведческого музея», вып. III, История и этнография, Сталинабад, 1955, стр. 121—160.

Каждое хозяйство в отдельности заготавливало на яйлау молочные продукты. Молоко кипятили в котле, подливая в него немного прокисшего; скисая, молоко превращалось в «қатиқ». Затем с этого кислого молока снимали сливки «каймак», из которых в деревянной маслобойке «купи» сбивали масло — «равғани зард»; его сохраняли, присаливая, в перетопленном виде в мешке из желудка животного, если же оно начинало портиться, его перетапливали (такое масло называлось «равғани сухтанӣ»). Отделившееся пахтанье подвешивали в мешке,

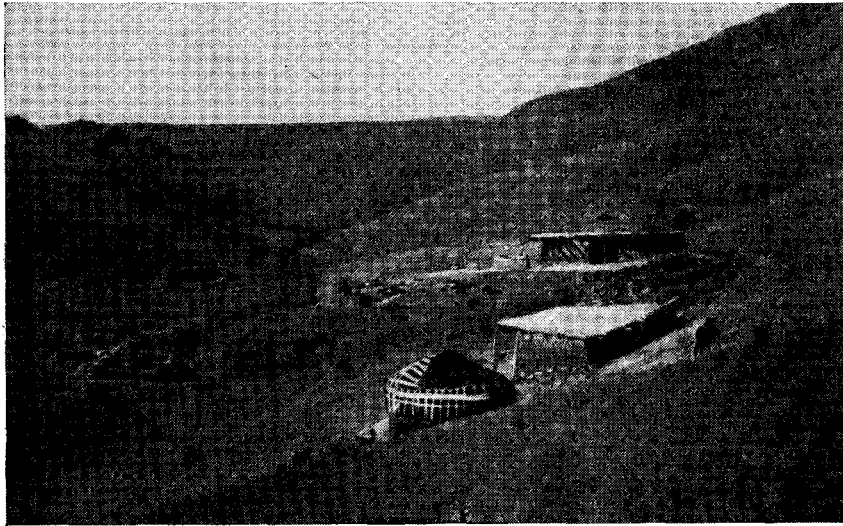

Рис. 3. Усадьба Мумина Сѳбирова

чтобы стекла жидкость: из полученной таким образом густой массы — «чакка» делали «қурут» — сыр в виде небольших шариков, высушиваемых на солнце¹⁴.

При выходе на яйлау выбирали «счастливый» день и час; каждая семья отправлялась отдельно в отличие от таджиков Каратегина и Дарваза, выходивших всем селением. Обычая организации женских молочных артелей, известных у других горных таджиков, здесь не знали. Зимнее помещение для мелкого скота называли «кутан», для крупного «огил», в нем устраивали кормушки «хурҗа». Как видно, термины, связанные со скотоводством и молочным хозяйством, употреблялись как таджикские (иранские), так и тюркские.

Характерным для полукуочевого быта сайробских таджиков в прошлом было печение хлеба в котле и на камне; известно было четыре названия лепешек в зависимости от способа печения: а) «нони табагин» — плоский камень нагревали снизу и на нем пекли по одной лепешке по очереди; б) «нони дегин» — пекли в котле по три-четыре лепешки сразу; в) «нони оштонӣ» — на стенках очага местного типа пекли по пять-шесть лепешек сразу; г) «нони кума» — лепешки пекли в горячей золе — «қўр» (зола от мелкого топлива).

¹⁴ Ср. Е. М. Пещерева, Молочное хозяйство горных таджиков и связанные с ним обычаи, сб. «По Таджикистану», вып. 1, Ташкент, 1927, стр. 42—59; Н. А. Кисляков, Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна р. Хингоу, «Изв. Тадж. филиала АН СССР», № 15, 1949, стр. 37—46.

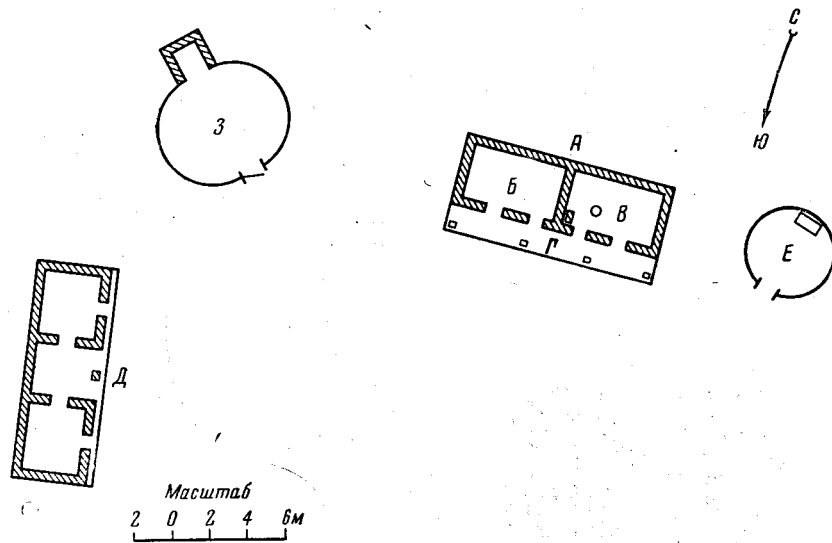

Рис. 4. План усадьбы Мумина Сѣбирова: А — дом отпа; Б — женская половина; В — мужская половина; Г — пешайвон; Д — дом старшего сына; Е — юрта старшего сына; З — загон для скота

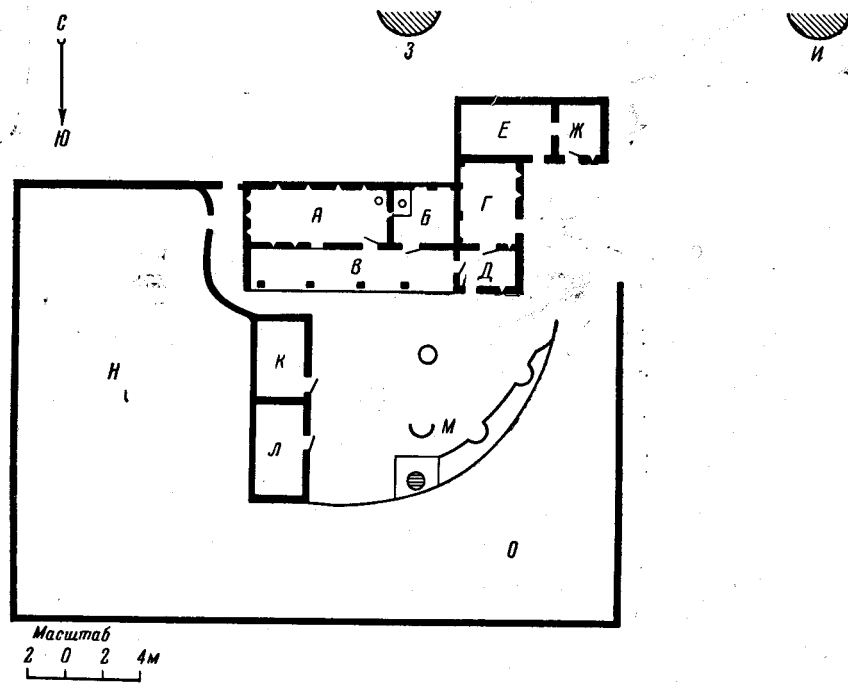

Рис. 5. План усадьбы Ишана: А — комната хозяина; Б — дахлез комнаты «А»; В — пешайвон; Г — комната старшего сына; Д — дахлез комнаты «Г»; Е — комната среднего сына; Ж — дахлез комнаты «Е»; З — юрта среднего сына; И — юрта хозяина; К — саманник; Л — хлев; М — тондир и очаги; Н — виноградник и сад; О — огород

В настоящее время в связи с подъемом животноводства и проведением мероприятий по его усовершенствованию в Сайробе сооружены благоустроенные скотные дворы, специальные помещения для содержания молодняка, строятся свинарники, птичники, возводятся другие сельскохозяйственные помещения.

Обследование жилища в Сайробе занимался В. П. Кобычев¹⁵, поэтому мы ограничимся здесь самой общей характеристикой. Дома расположены без какой-либо определенной планировки, группируясь в кварталы. Дом стоит обычно посреди двора, обнесенного целиком или

Рис. 6. Дом и юрта местного учителя

частично невысокой глинобитной стеной; здесь на некотором расстоянии от дома находятся и хозяйственные постройки. Встречаются и дома, не имеющие дворов.

Дома — обычного среднеазиатского типа, глинобитные, с глиняным полом и плоской земляной крышей, покоящейся на балках и настиле из коротких жердей поверх балок. Планировка помещений и величина домов весьма разнообразны. Встречаются однокамерные, двух-, трехкамерные и даже пятикамерные дома. В последнем случае три помещения располагаются в ряд, с террасой — «айвон» перед ними, а два остальных по бокам, по торцовым сторонам террасы, на которую выходят двери всех пяти помещений. Терраса спереди открыта и имеет ряд столбов для поддержания крыши; иногда, особенно в двухкамерных домах, терраса расположена в один ряд с помещениями и находится между ними. Нередко помещения подразделяются на собственную комнату — «хона» и прихожую — «дахлез», отгороженную от комнаты стенкой, невысокой перегородкой или просто уступом пола; наружная дверь чаще находится в дахлезе. В старых домах топка производилась «по-черному», очаг — «оштон» представлял собой углубление в полу и находился обычно в дахлезе, на него иногда ставили низенький столик — «сандайл»; дым выходил через небольшие отверстия в стене — «дарича», «мүрича», заменявшие окна. Стены комнат снабжены многочисленными нишами — «ток», «токча».

¹⁵ В. П. Кобычев любезно предоставил автору собранные им материалы, так же как и планы жилища, зарисовки и фото.

В наши дни население Сайроба преобразует свое старое жилище: отказываясь от топки «по-черному», дедовские очаги стали заменять печами, в стенах делают застекленные окна. Во многих домах настилают деревянные полы, обшивают фанерой потолки. Наряду с этим совхоз приступил к строительству современных типовых домов для рабочих и служащих. Ведется и большое строительство общественных зданий — выстроено здание школы (в ней около 300 учащихся), помещение для детских яслей и ряд зданий для культурно-просветительных учреждений, а также для нужд кооперации и торговли. Около 500 домов рабочих совхоза электрифицированы и радифицированы.

* * *

В кишлаке Сайроб нами записан старый свадебный обычай. Для сватовства в дом девушки направляли уполномоченных — «завчй», обычно с ними шел кто-либо из родственников юноши. Первый раз шли с пустыми руками; если получали согласие, то отправлялись вторично, неся угощение — лепешки, изюм, сахар; в доме девушки лепешки разламывали и ели. Дней через десять, иногда через больший срок устраивали «түй табақ», или «түй фотиға» — помолвку. Для этого в дом девушки посылали мясо, муку, рис, масло, а также ткани. На празднестве помолвки мужчины и женщины собирались отдельно. Жених и невеста в празднестве не участвовали, так как с этого времени каждый из них должен был избегать родителей другой стороны. Родственникам со стороны невесты делали подарки — платье и прочее. Со времени помолвки до свадьбы проходило несколько месяцев, иногда даже год и более. Каждый праздник в дом невесты посылали «хайитлик» — «праздничные подарки». После помолвки устанавливали размер калыма, для чего в дом девушки приходили представители жениха. Средний калым состоял из 55 овец и коз, 20 пудов пшеницы, ткани в калым не давали. Если жених был неимущий, он обычно отработывал за жену в доме тестя. В зависимости от сроков уплаты калыма растягивалось и время до свадьбы.

В этот период юноша ходил к девушке на тайные свидания — «ниспатбозй». Перед первым таким приходом жениха в его доме готовили угощение и подарки для девушки, уславливались через подруг или родственниц невесты о месте встречи; со своей стороны невеста дарила жениху костюм. Во время этих посещений иногда случалось, что молодые люди вступали в фактический брак, бывало, что невеста даже рожала до свадьбы.

К свадьбе, помимо калыма, в доме жениха готовили продукты и материю, в доме же невесты приготавливали приданое — «чез»¹⁶. Собрать калым юноше помогали родственники.

Свадьбу называют «ичоб түй», или «никох түй». Жених отправлялся в дом невесты со своими друзьями — «чүра»; его проводили в особое помещение, невеста сидела за свадебной занавеской — «чимилиқ». Двое из ее родственников говорили ей: «вакили никоҳата тағоба ти» — «дай брачные полномочия твоему материнскому дяде»; девушка дава-

¹⁶ Средний размер приданого состоял из трех ковров — «гилим», пяти одеял — «курпа», двух войлоков — «намад», двух цветных меховых подстилок — «пустакы рангй», девяти подушек — «болиш», двух «бугтома» — мешков — вместилец для одежды (шерстяного и шелкового), одного «мапрамач», одного сундука и различной посуды, десяти «айнахалта» — мешочков для зеркала (шелковых или же «қуроқи» — из лоскутов материи), пятнадцати платьев — «курта» для новобрачной, десяти платков — «рүмол» (шелковых или бархатных), одного «шаи пешбағ» — головного платка, завязывающегося вокруг головы, четырех женских камзолов — «камзүл» (шелковых и бархатных).

ла согласие, и дядя вслед за женихом свидетельствовал перед муллою ее согласие на брак. Затем каждый из новобрачных отпивал немного воды из чашки, стоявшей перед муллою. Потом новобрачный шел за чимилик, где молодые совместно смотрелись в зеркало. Затем новобрачный отправлялся к себе в дом, молодую же везли вслед за ним после восхода солнца. Перед ее отправкой женщины со стороны мужа считали приданое, упаковывали его в тюки — «бӯғ» (обычно делали шесть тюков, которые выючили на трех лошадей). При приезде новобрачной на пороге дома ее мужа ложилась пожилая женщина, новобрачная переступала через нее, обещая ей какой-нибудь подарок. Муж приходил к жене за чимилик, где новобрачные и оставались в течение трех дней. По приезде новобрачной в дом мужа все ее приданое развешивали по стенам для всеобщего обозрения, а через три дня, когда кончался срок пребывания молодых за чимиликом, снимали и связывали и приданое, и чимилик.

Через некоторое время назначался «домодталбон» (буквально «приглашение зятя» в дом тестя), с мужем ехала и новобрачная. До этого приглашения зять избегал тестя; приехав в дом, зять сидел потупясь, молчал, ничего не ел. Лишь после того как тесть обещал ему подарок, его напускная застенчивость проходила; подарки получала также и дочь.

Описанный свадебный обряд мало отличается от бытующего у горных таджиков других районов¹⁷. Характерно то обстоятельство, что у таджиков Сайроба, расположенного на восточных склонах отрогов Гисарского хребта, новобрачную везли в дом мужа после восхода солнца, т. е. уже днем, тогда как у их близких соседей — таджиков хардурри, живущих по верховьям Гузар-Дарьи¹⁸, к западу от Гисарского хребта, а также у таджиков верховий Кашка-Дарьи¹⁹ этот переезд совершался ночью. Этот факт еще раз подтверждает высказанную нами гипотезу о двух культурно-исторических областях, разделенных Гисарским хребтом, «согдийской» и «тохарской», о связи с первой из них обычая переезда новобрачной в дом мужа ночью, а со второй — днем²⁰. Таким образом, население Сайроба, лежащего непосредственно к востоку от «железных ворот» Сюань-Цзяна, на западной границе Тохаристана VII в.²¹, сохранило, по-видимому, в данном случае какую-то древнюю традицию. Эта традиция сближает таджиков Сайроба с населением основного таджикского массива Гисара, Куляба, Каратегина и Дарваза, несмотря на значительную территориальную отдаленность от него.

* * *

В связи с совершенно недостаточной изученностью таджиков южного Узбекистана, мы по возможности также попытались собрать сведения об этническом происхождении таджиков Сайроба. Приведем эти данные.

По местному преданию, некогда на место современного Сайроба прибыла тысяча всадников на ослах, имевших пеструю отметину на

¹⁷ См. Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XLIV, М.—Л., 1959, стр. 77—135.

¹⁸ М. Эшниезов, Указ. раб., стр. 109.

¹⁹ Н. А. Кисляков, Некоторые материалы по этнографии таджиков верховий Кашка-Дарьи, стр. 87—89.

²⁰ Н. А. Кисляков, Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXX, 1958, стр. 130—134.

²¹ См. тезисы нашего доклада «К вопросу об этногенезе таджиков», Сб. «Советская этнография», VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 314—319.

лбу (кашка), и остановилась у источника. Однако место это оказалось, по-видимому, запретным, так как месяц и звезды стали метать в приехавших стрелы, и все они, за исключением двух-трех человек, погибли. Оставшиеся поселились у источника, их потомков стали называть потомками Наима.

Б. Х. Кармышева в 1957 г. отметила, что среди населения Сайроба есть ишаны и ходжа, которые живут в двух кишлаках (вернее, кварталах) из девяти; остальное же население делится на четыре рода: Келдик, Мардони, Арбоби и Ети-Уруг²².

По нашим сведениям, Сайроб делится не на девять, а на тринадцать кварталов или небольших кишлаков (см. выше): Илолик, Кабути, Ганда, Кабчукай, Чинор, Пайкум, Кали-Кургон, Кизыл Джар, Кудук, Кали-Мушкил, Обгир, Минджок, Бодомчилик. Как видно, здесь встречаются таджикские и тюркские названия²³. В первых пяти кварталах, расположенных выше по саю, живет группа таджиков Нимдаха, которая подразделяется на подгруппы авлоди (потомки) Келдик и авлоди Мардони (у первой когда-то старейшиной — «сардор» был некий Ката Арбоб, управлявший 60—70 хозяйствами, у второй — Каду Арбоб, управлявший 50—55 хозяйствами). В остальных кварталах живет группа таджиков Туркони, которая подразделяется на подгруппы авлоди Эттурук и авлоди Арбоб (у первых был старейшина Беккенди Арбоб, управлявший 40 хозяйствами, у вторых Чоршамбе Амин, управлявший 60 хозяйствами). Сравнивая наши сведения с приведенным выше упоминанием Б. Х. Кармышевой, можно полагать, что ишаны и ходжа — это и есть потомки Наима, поселившиеся вблизи священного источника, эксплуатацию которого, как и других почитаемых мест, в Средней Азии, как правило, монополизировали представители привилегированных мусульманских сословий. Приведенные названия групп и подгрупп тоже смешанные — тюркско-иранские.

Все это говорит о значительном тюркском влиянии, возможно даже, и о наличии тюркских элементов в среде сайробских таджиков.

Старики — жители Сайроба (Хомидхон Сарыбаев, 77 лет, Мумин Собиров, 107 лет и другие) указывали нам на то, что сайробские таджики являются чагатаями. По их словам, чагатаями называют тех, кто говорит на таджикском языке, говорящих же по-узбекски называют «кош-тамгали», т. е., как нам объяснили, именем одного из родовых подразделений узбеков-кунградов; чагатаи, говорили информаторы, называли бека «мир», а узбеки — «бек», этим как бы подтверждалось, что чагатаи — таджики (известно, что в в. Восточной Бухаре все таджики употребляли термин «мир» для бухарских наместников — беков). Информаторы подчеркивали, что таджиков Сайроба и некоторых других кишлаков называют чагатаями потому, что они «тоджикони кухпора» — «таджики, рассеянные в горах»: они расселились по горам, осели на родниках, базаров у них не было; высказывалась версия, что чагатаи — потомки пришедших из Арабистана аджамов (персов). Чагатаями будто бы, помимо сайробских, являются и таджики ближайших кишлаков — Панджоб, Дербент, Мачай.

²² Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, стр. 19, примечание.

²³ Таджикские: кабути — зелень; ганда — плохой; чинор — чинара, платан; пайкум-пайхом — измельченная на току солома с колосьями; қали қўргон-қалъаи қўргон — крепость, цитадель; кали мушкил-қалъаи мушкил — трудная (сложная) крепость; обгир — водоем, место, где берут воду. Тюркские: қопчиғай — мешок, в переносном смысле котловина; қизил жар — красный яр; қудуқ — колодез. Таджикско-тюркские: бодомчилик — миндальный.

Местные учителя отрицали принадлежность сайробцев к чагатаям, указывая, что чагатаи составляют часть населения Байсуна.

Приведенный нами материал чрезвычайно краток, он относится к одному кишлаку и, естественно, не позволяет решить вопрос о так называемых чагатаях, который, как справедливо отмечает Б. Х. Кармышева, весьма сложен²⁴.

В проблеме чагатаев, прежде всего, следовало бы решить — имеем ли мы здесь дело действительно с реальной этнографической группой, или же вопрос идет о названии, данном соседями той или другой части исконного населения (и, может быть, воспринятом ею самой) по каким-то аналогиям или противопоставлениям.

По-видимому, для решения проблемы чагатаев необходимы более длительное и углубленное исследование, тщательный сбор сведений в каждом кишлаке и последовательная обработка всех полученных материалов.

SUMMARY

The article presents ethnological data about Sairob, a large village populated by Tajiks, collected in the late 1950's. Sairob lies in the upper Shirabad-Darya valley. Today the greater part of its people are engaged in work on a dairy collective farm. Information is given about agriculture and cattle raising among the Sairob Tajiks; their dwellings are described. The author also describes the old wedding rites at Sairob which are somewhat different from those current among the highland Tajiks in other regions.

Some information is given on the ethnic origin of the Sairob Tajiks.

²⁴ Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, стр. 18. Как отмечает Б. Х. Кармышева, в Сурхандарьинской области термином «чагатай» обозначалось исконное оседлое население, независимо от языка (Чагатай, как известно, сын Чингис-хана, получивший от отца в наследство и в управление Среднюю Азию; по его имени и самое государство, которым правили потомки Чингис-хана, называлось чагатайским). См. также ее новую работу «К истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана», «Сов. этнография», 1964, № 6, стр. 96—98.